

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

За последние годы в научных учреждениях Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской союзных республик, а также в исторических институтах Академии наук СССР проведена значительная работа по изучению истории народов Средней Азии.

Академия наук Узбекской ССР выпустила два тома «Истории народов Узбекистана» (Ташкент. 1947 и 1950). Казахские историки завершили работу над вторым, значительно переработанным изданием «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата. 1949—1950). В этом двухтомном труде рассматривается история Казахстана с древнейших веков и до настоящего времени. Вышел в свет первый том труда Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» (Госполитиздат. 1949), рассматривающий историю таджикского народа с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Ведётся работа по созданию обобщающих трудов по истории туркменского и киргизского народов.

Истории Средней Азии посвящено несколько крупных монографических исследований. Среди них особенно большое значение имеет высоко оцененный советской общественностью и удостоенный Сталинской премии труд проф. С. П. Толстова «Древний Хорезм», освещающий древнейшие этапы истории Средней Азии.

Значительную ценность представляют публикации документов по истории народов Средней Азии, предпринятые в Казахской, Узбекской и Туркменской союзных республиках.

Работа историков должна быть оценена как крупный вклад в дело национального и культурного строительства в республиках Средней Азии. Народы Средней Азии впервые получили возможность изучать родную историю — историю своей дружбы с великим русским народом, которая родилась и окрепла в революционной борьбе против царизма и капитализма, историю своих славных социалистических завоеваний. В трудах по истории Средней Азии новое освещение получили многие вопросы истории СССР, что обуславливается той крупной ролью, которую играли и играют среднеазиатские народы в исторических судьбах нашей многонациональной Родины.

Являясь значительным завоеванием советской исторической науки и прежде всего исторической науки республик Средней Азии, перечисленные выше труды, тем не менее, должны быть охарактеризованы лишь как первый этап на пути создания марксистско-ленинской истории народов Средней Азии. Советские историки впервые поднимают огромный фактический материал, сталкиваются со множеством вопросов, не изучавшихся исторической наукой, или же с вопросами запутанными, получившими извращённое толкование в трудах буржуазных историков.

Буржуазные учёные в трудах по истории народов Средней Азии выдвигали националистические и космополитические концепции. Они выступали как идеологи панираизма, пантюркизма, панисламизма, великодержавного шовинизма и местного национализма. Длительное время имели хождение такие космополитические «теории», по которым народы

Средней Азии рассматривались как неисторические, не имеющие своей культуры, способные лишь к пассивному восприятию того, что создавалось другими народами за рубежом. Подобные ошибочные положения встречаются, в частности, в трудах такого выдающегося дореволюционного историка Средней Азии, как акад. В. В. Бартольд.

Всё это, вместе взятое, делает задачу историков Средней Азии весьма сложной. И необходимо признать, что далеко не все трудности ими успешно преодолены. Работы по истории народов Средней Азии не свободны от ошибок и недостатков. В трудах отдельных историков не преодолены до конца буржуазно-националистические концепции, в частности идеализация прошлого.

Особенно заметно проявляется влияние чуждых советской науке концепций при освещении вопросов о происхождении народов и их роли в создании древней рабовладельческой и раннефеодальной цивилизации Средней Азии.

Эта высокая для своего времени цивилизация, возникшая значительно раньше, чем сформировались современные народы, должна рассматриваться как культурное наследство, созданное предками всех народов Средней Азии и одинаково принадлежащее всем этим народам, подобно тому, как культурное наследство Киевской Руси, созданное предками русского, украинского и белорусского народов, в равной мере принадлежит русским, украинцам и белорусам. Вопреки такому, казалось бы, единственно правильному решению вопроса, некоторые историки продолжают придерживаться старой, паниранистской «теории» о Средней Азии, как о якобы в прошлом лишь иранской стране, более того — периферии древней Персии, откуда шли в Среднюю Азию все достижения культуры, науки и искусства. Позднее, согласно этой «теории», роль «культуртрегеров» в отношении Средней Азии играли арабы.

Как указывала наша печать, подобные взгляды проводились ещё недавно проф. А. А. Семёновым в его книге «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии» (1945), где он писал о какой-то единой всеобъемлющей иранской культуре¹. Такие же ошибочные положения содержались в отдельных трудах проф. Е. Э. Бертельса, посвящённых вопросам истории среднеазиатской культуры и литературы. Достаточно указать хотя бы на его статью «Персидская литература в Средней Азии», опубликованную в 1948 г., где классическая литература народов Средней Азии, причём не только ираноязычных, но и тюркоязычных, рассматривалась как персидская литература². О «единой средневековой мусульманской культуре» неверно писал проф. Б. Н. Заходер в книге «История восточного средневековья» (1944), утверждая, будто бы «быт и культура всех народов, составлявших халифат, уже с XI века являют черты такого органического культурного единства, что мы можем и имеем достаточно оснований именовать их «мусульманскими», без различия в специфике каждого народа в отдельности»³.

Ошибочность таких взглядов очевидна. Многочисленные исследования, проведённые за последние десятилетия советскими археологами и историками, показали, что на территории Средней Азии в древности находились важнейшие центры рабовладельческой и раннефеодальной культуры и государственности, значение которых далеко выходило за пределы Средней Азии. Не Средняя Азия являлась периферией лежащих

¹ См. «Культура и жизнь» от 20 апреля 1947 года.

² См. «Советское востоковедение» № 5 за 1948 год.

³ Б. Заходер. История восточного средневековья, стр. 82. 1944, изд. Московского государственного университета.

к югу от неё областей, а, наоборот, последние в ряде случаев должны рассматриваться как периферия по отношению к древним культурным центрам Средней Азии. В арабское время культура народов Средней Азии также развивалась на основе собственных традиций и была несравненно выше, чем культура арабских завоевателей.

Исследования советских учёных показали, что древним населением Средней Азии были не только восточноиранские, но и тюркские племена, что созданная ими культура имела свои самобытные черты. Современные народы Средней Азии не пришельцы извне: они возникли в процессе исторического развития из местных племён.

Культура, созданная ещё до н. э. и в первые её века согдийцами, хорезмийцами, бактрийцами, тохарами, всеми своими корнями связана с почвой Средней Азии, а вовсе не с Персией. Эта точка зрения получила фундаментальное обоснование в результате археологических исследований проф. С. П. Толстова в Хорезме. Как теперь установлено, древняя цивилизация Хорезма принадлежала предкам как ираноязычных, так и тюркоязычных народов Средней Азии.

Вопрос об отношении таджикской и персидской культур получил правильное разрешение в «Истории таджикского народа», где по этому поводу сказано, что обособление восточных иранцев (предков таджиков) от западных иранцев (предков персов) произошло в глубокой древности, задолго до нашей эры, и что таджикский народ имеет свою собственную, самобытную и независимую от персов культуру, свои культурные традиции, свою историю⁴.

В трудах некоторых историков ещё не преодолена до конца пантюркистская «теория» о мнимом существовании древнего единого тюркского народа, населявшего якобы территорию Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Туркмении. Об этом мифическом народе писал узбекский историк Гулямов в статье «К изучению эпохи Навои». Подобные же ошибочные положения имеются в «Истории Казахской ССР». Говоря о возникновении в VI в. дофеодального тюркского каганата, авторы «Истории Казахской ССР» изображают его в виде национального государства с единой культурой, тогда как известно, что в то время ещё не сложились народности и в состав каганата входили самые различные и при этом разноязычные племена. Каганат принадлежал к государствам именно того типа, о которых И. В. Сталин говорил, что они «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»⁶.

Пантюркистские тенденции проявились и в работе В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос» (1947), где устное творчество народов Средней Азии рассматривалось как творчество «общетюркское».

Ошибки, допущенные историками при решении вопросов о происхождении народов Средней Азии и их древней культуры, вызваны ещё и тем, что до последнего времени многими историками не был уяснён процесс происхождения племён, народностей и национальностей. Здесь сказалось, несомненно, вредное влияние «теорий» акад. Н. Я. Марра. Следы этого влияния обнаруживаются в «Истории таджикского народа», в «Истории народов Узбекистана», в работе С. П. Толстова «Древний Хорезм» и т. д. Выкорчёвывание представлений, связанных с антимарксистскими «теориями» Н. Я. Марра, и разработка вопросов происхождения народов на основе указаний И. В. Сталина, данных в его работе «Марксизм и вопросы языкознания», являются одной из первоочередных задач историков, занимающихся изучением Средней Азии.

⁴ См. Б. Гафуров. История таджикского народа, стр. 27. Госполитиздат. 1949.

⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10. Изд-во «Правда». 1950.

Советскими историками преодолена буржуазная «теория» об извечности феодализма в Средней Азии и органической отсталости Востока — «теория», связанная с буржуазной проповедью особых путей развития Востока, принципиально будто бы отличных от исторического процесса на Западе.

Вместе с тем приходится отметить, что проблемы развития общественно-экономических формаций в Средней Азии ещё далеки от их окончательного разрешения. Так, авторы «Истории народов Узбекистана», говоря о социально-экономических отношениях эпохи рабовладельческого строя, не раз называют их «патриархально-рабовладельческими». Авторы книги хотели этим подчеркнуть, что рабовладельческое общество в Средней Азии имело существенные особенности, не выходило за рамки патриархально-рабовладельческих отношений. Но чем были обусловлены эти особенности, что было для этого общества наиболее характерным, так и остаётся неизвестным. Этот вопрос необходимо осветить. Укажем, что другие историки, например, проф. С. В. Юшков, не признают существования рабовладельческой формации в истории Средней Азии, полагая, что народы Средней Азии от первобытно-общинного строя перешли непосредственно к дофеодальному обществу и к феодализму⁷.

Авторы «Истории народов Узбекистана» уклонились от рассмотрения и другого важного вопроса — об особенностях феодальных отношений в Средней Азии, несмотря на то, что по этому поводу имеются указания классиков марксизма-ленинизма, а также значительная советская литература. Увлечшись разбором событий политической истории, фактами междоусобной борьбы феодальных ханов, дворцовыми переворотами, авторы книги не попытались объяснить эти события, увидеть главное и определяющее в историческом процессе. Они далеко не обеспечили реализации важнейшего указания И. В. Сталина об исторической науке: «Историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»⁸.

Казахские историки полагают, что на территории Казахстана вплоть до VI в. сохранялся первобытно-общинный строй, а с VI по X в. был дофеодальный период. Однако ими полностью обойдён вопрос большого теоретического значения — об особенностях сложения классового общества у кочевников.

В «Истории таджикского народа» рассмотрен ряд проблем, связанных с историей рабовладельческого общества. Вопрос же об особенностях феодализма, в частности вопрос об упадке феодализма на Востоке, и здесь не освещён.

Как известно, особенность исторического процесса в Средней Азии в эпоху господства рабовладельческих и феодальных отношений заключалась, во-первых, в том, что основная отрасль производства — земледелие здесь было орошаемым. Не столько земля и собственность на землю играли роль, сколько вода и собственность на воду. Рабовладельческая и феодальная знать, владеющая водой и большими земельными угодьями, располагала могучим средством принуждения по отношению к земледельческому населению, для которого лишение воды было равносильно гибели. Поэтому здесь складывались особые формы и методы эксплуатации как в рабовладельческое время, так и в эпоху феодальных отношений. В частности, этим же обстоятельством объясняется долгое

⁷ См. С. Юшков. История государства и права СССР. Ч. I. М. 1947.

⁸ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

сохранение в Средней Азии сельской общины и общинного землепользования. Оросительные системы являлись уязвимым местом среднеазиатской экономики. Они разрушались во время междоусобных войн, во время вражеского вторжения, что приносило населению жестокие бедствия.

Второй существенной особенностью раннеклассовых обществ в Средней Азии было существование бок о бок земледельческих территорий и областей, заселённых кочевниками. Если в земледельческих областях Средней Азии раннеклассовое общество имело свои особенности, то не меньше особенностей наблюдалось в общественных отношениях среди кочевого населения Средней Азии. Как и повсюду у кочевников, древние родоплеменные институты приспосабливались здесь к условиям классового общества, становились формой классовой эксплуатации. Взаимоотношения земледельческих обществ и кочевников имели огромное значение для истории Средней Азии.

Говоря о рабовладельческом и раннефеодальном обществе в Средней Азии, нельзя не коснуться ещё одного существенного вопроса, стоящего перед советскими историками, — о смене рабовладельческих отношений феодальными. В «Истории народов Узбекистана» и «Истории таджикского народа» процесс сложения феодализма изображается как медленно, протекавшее веками, постепенное перерастание рабовладельческих отношений в феодальные. Здесь не ставится вопрос о восстаниях рабов; о роли же завоевателей-кочевников, способствовавших ликвидации рабовладельческих отношений, коротко говорится лишь в «Истории таджикского народа». Создаётся впечатление, что феодализм возник в Средней Азии совершенно иными путями, чем в других странах.

Такая картина отнюдь не отвечает действительности. Крушение рабовладельческих отношений и рабовладельческой государственности в Средней Азии в основных чертах происходило так же, как и в Европе, где главную роль в ликвидации старой системы эксплуатации сыграли выступления рабов внутри рабовладельческих государств и удары северных племён извне.

Одним из центральных вопросов истории Средней Азии является вопрос об оценке исторического значения присоединения Средней Азии к России. Авторы второго тома «Истории народов Узбекистана» при освещении этого вопроса ограничились таким кратким определением: «Установление тесных связей Средней Азии с Россией, стоявшей значительно выше в хозяйственном и культурном отношении, способствовало развитию производительных сил страны, ускорило процесс роста в ней капиталистических отношений... Факт этот имел прогрессивное значение в жизни народов Узбекистана...»⁹. Они не дали принципиальной оценки социально-экономического положения Средней Азии накануне присоединения к России, не выявили полностью внешнеполитических условий и не показали результатов присоединения, ограничившись списанием колониального режима. Поэтому приведённое определение не может удовлетворить читателя.

Не может удовлетворить читателя освещение данного вопроса и в «Истории таджикского народа». В этом труде говорится, что в начале XIX в. в среднеазиатских ханствах «рост производительных сил, усиление товарно-денежных отношений властно требовали коренного изменения общественного строя. Между тем в ханствах не создалось внутренних предпосылок — ни политических, ни экономических — для совершения такого коренного изменения. Затянувшееся на века состояние феодальной раздроблённости и нескончаемые междоусобные войны, переплетение

⁹ «История народов Узбекистана». Т. 2, стр. 253. Изд. АН Уз. ССР. Ташкент. 1947.

торгового капитала с феодальным землевладением и роль купцов, преимущественно как посредников в торговле ханов и феодальных владельцев, консервативно-феодальная форма ремесла, крайне отсталая техника — всё это не давало возможности возникновения машинного производства и мешало развитию наемного труда, складыванию капиталистических отношений и образованию внутри феодального общества класса промышленной буржуазии, которая в тех условиях могла бы возглавить борьбу за переход к новой общественно-экономической формации»¹⁰. Казалось бы, перед нами недвусмысленная картина глубокого упадка феодализма в Средней Азии. Читатель ожидает, что, нарисовав эту картину, автор перейдет к оценке роли присоединения Средней Азии к России как явления, способствовавшего развитию капиталистических отношений в Средней Азии. Однако через несколько страниц после приведённого отрывка в книге сказано, что в Средней Азии и без присоединения к России «капиталистические отношения также стали бы развиваться и, возможно, даже более быстрыми темпами, чем при создавшихся колониальных условиях»¹¹.

Положительную сторону русского завоевания автор книги видит в том, что Средняя Азия не стала колонией Англии, а приобщилась к России, которая приближалась к революции. Нельзя не согласиться с автором книги, что «в этом — главное при исторической оценке завоевания». Присоединение к России открыло перед народами Средней Азии широчайшие революционные перспективы. Но это отнюдь не снимает с историков необходимости серьёзно разобраться в вопросе о том, что же дало русское завоевание народам Средней Азии в области капиталистического развития, ускорило ли оно его, как это мыслят себе большинство историков, или затормозило.

Совершенно неправильное освещение значения присоединения Средней Азии к России было дано С. М. Абрамзоном в «Очерках культуры киргизского народа». История взаимоотношений киргизского и русского народов в XIX в. освещалась С. М. Абрамзоном, по сути дела, с буржуазно-националистических позиций. Автор затушёвывал гнёт местных феодалов и кокандских ханов, изображал борьбу киргизского народа против царских колонизаторов как борьбу против русского народа. Положительное влияние передовой русской культуры на киргизский народ он ухитрился свести лишь к тому, что киргизы научились белить стены, пользоваться вилками, кроватями, самоварами, вешать занавески на окна¹². Перед нами пример безответственного подхода к важному вопросу. «Очерки» С. М. Абрамзона получили суровую оценку на страницах республиканской и центральной печати.

В первом издании «Истории Казахской ССР», вышедшем в 1943 г. под редакцией М. Абдыкалыкова и члена-корреспондента Академии наук СССР А. М. Панкратовой, при изложении вопроса о присоединении Средней Азии к России авторами были допущены особенно серьёзные ошибки. В новом издании «Истории Казахской ССР» эти ошибки были исправлены. Авторы книги, во-первых, обстоятельно разобрали экономическую, социальную и внутреннюю политическую обстановку в Казахстане в XVIII веке. Они дали анализ внешнеполитических условий, показали феодально раздробленный Казахстан в окружении Джунгарии, Китая, среднеазиатских ханств и России. Во-вторых, они достаточно подробно рассмотрели социально-экономические последствия присоединения Казахстана к России. Такое рассмотрение подводит читателя к выводу, что «включение Казахстана в состав Российской империи оказало положительное влияние на развитие экономики Казахстана. Развитие внешней,

¹⁰ Б. Гафуров. История таджикского народа, стр. 390.

¹¹ Там же, стр. 410.

¹² См. С. Абрамзон. Очерки культуры киргизского народа, стр. 75. 1946.

а затем и внутренней торговли способствовало накоплению казахского торгового капитала; в ряде отраслей местного хозяйства развилось товарное производство, рассчитанное на внешний и внутренний рынок; образовалась собственная мелкая промышленность, работавшая на рынок; стало интенсивнее развиваться земледелие, и большее количество кочевников перешло к оседлому образу жизни»¹³.

Отмечая в основном правильное изложение в этой книге вопроса о присоединении Казахстана к России, вместе с тем нельзя не указать на серьёзные ошибки, допущенные её авторами при освещении некоторых событий, связанных с процессом включения Казахстана в состав Русского государства. Речь идёт прежде всего о феодально-националистическом восстании хана Кенесары Касымова (1837—1846 гг.). Он был возведён в ранг национального героя и борца за свободу казахского народа Е. Бекмахановым в книге «Казахстан в 20—40-х годах XIX в.» (1947). В таком же качестве хан Кенесары фигурирует и на страницах «Истории Казахской ССР».

Составители «Истории Казахской ССР» исходят из ошибочных представлений о хане Кенесары Касымове, как о прогрессивном деятеле, боровшемся за «возрождение единого феодального казахского государства». Они изображают Кенесары мудрым государственным реформатором, указывая, что «в целом реформы Кенесары носили прогрессивный характер». Как известно, наиболее существенной «реформой» Кенесары являлось упорядочение сбора налогов. При этом авторы книги пишут, что налоговое бремя при Кенесары ещё более усилилось и что Кенесары укреплял феодальную основу казахского общества¹⁴. Если следовать за авторами книги, то придётся признать, что усиление феодальной эксплуатации, феодального гнёта, которое осуществлял хан Кенесары в 30-х годах XIX в., было прогрессивным явлением!

Как указывалось недавно в газете «Правда», такая характеристика хана Кенесары является глубоко порочной. Хан Кенесары — типичная фигура феодального хищника, жестокого эксплуататора и грабителя. Интересы казахского народа были чужды ему; в своей политике Кенесары руководствовался лишь собственными корыстными целями. Восстание хана Кенесары, не поддержанное казахским народом, было реакционным, феодально-националистическим выступлением, которому оказывали помощь враждебные России силы из-за рубежа.

Ошибки, допущенные при освещении движения Кенесары Касымова, обязывают историков Средней Азии обратить особое внимание на другие восстания в Средней Азии, чтобы выяснить, какие же из них были национально-освободительными, такими, как восстание Срыма Датова или Тайманова, а какие — феодально-националистическими, подобными движению хана Кенесары или Андижанскому восстанию 1898 года. Пока что в этом вопросе ясности нет.

Советские историки приложили немало усилий, чтобы разоблачить буржуазно-националистические, меньшевистско-эсеровские и правотроцкистские «теории», которые отрицают участие широких масс трудящихся Средней Азии в революционных событиях 1905—1907 гг. и в Великой Октябрьской социалистической революции, а следовательно, отрицают наличие внутренних предпосылок победы советской власти в Средней Азии.

Однако в вышедших за последние годы работах иногда можно встретить отголоски этих враждебных «теорий». Например, проф. А. Г. Соло-

¹³ «История Казахской ССР», стр. 323. 2-е изд. Алма-Ата. 1949—1950.

¹⁴ См. там же, стр. 275—283.

ввёл в предисловии к сборнику документов «Начало революционного движения в Туркмени в 1900—1905 гг.» (кн. 2-я. 1946), по сути дела, отрицает совместную борьбу русских рабочих и туркменских трудящихся против царского самодержавия. Он пишет о «разъединяющей стене» между русскими революционными рабочими и туркменскими массами, якобы создаваемой разностью языка и особенностями быта. А. Г. Соловьёв не видит того общего, что объединяло русских рабочих с туркменскими трудящимися в их ожесточённой борьбе против общего врага — царизма.

Известно, что многие туркмены — рабочие Среднеазиатской железной дороги, хлопкоочистительных заводов и других предприятий — вместе с русскими рабочими принимали активное участие в забастовочном движении, в массовых демонстрациях и митингах. Серьёзные волнения происходили в ряде сельских районов. Но эти факты не нашли места в сборнике о революционном движении в Туркмени.

Недостатком другого рода страдают вышедшие за последние годы работы по истории революции 1905—1907 гг. в Казахстане. Некоторые историки приукрашивают революционные события в Казахстане, изображая дело так, будто эти события обгоняли движение рабочих главных промышленных центров России. При этом речь у них идёт о казахском народе в целом; реакционная деятельность буржуазно-националистических групп, по существу, замалчивается.

Б. С. Сулейменов в книге «Казахстан в первой русской революции» (1949), явно переоценивая организованность и большевистскую целеустремлённость революционного движения в Казахстане, полным молчанием обходит деятельность националистических группировок, прилагавших все усилия к тому, чтобы ослабить силу и размах революционного движения трудящихся масс и упрочить позиции местной феодальной верхушки и буржуазии.

А. Якунин в статье «Революция 1905—1907 гг. в Казахстане», опубликованной в сборнике «Революция 1905—1907 гг. в национальных окраинах России» (1949), рассматривает движение казахских буржуазных националистов, стремившихся к отрыву Казахстана от России и союзу с Турцией или Ираном, как часть национально-освободительного движения казахского народа в период первой буржуазно-демократической революции. Автор пишет: «В национально-освободительном движении казахского народа в революции 1905—1907 гг. ясно обозначались два различных по своему социальному характеру направления. Первое — революционно-демократическое, возглавляемое близко стоявшей к народу демократической интеллигенцией из среды учителей-мугалимов, мелких служащих и наиболее передовых рабочих и крестьян. Второе направление — буржуазно-националистическое, представляемое буржуазией, байством и выходцами из среды феодальной казахской знати. Это направление возглавлялось «просвещёнными молодыми казахами»: Букейхановым, Каратаевым, Сейдалиным, Танышпаевым и др.»¹⁶. Из дальнейшего изложения выясняется, что «просвещённые молодые казахи» были видными деятелями кадетской партии, проповедниками панисламизма, врагами казахских трудящихся. Причисление их к числу деятелей национально-освободительного движения казахского народа является грубой ошибкой автора статьи. Ошибка А. Якунина не была исправлена составителями «Истории Казахской ССР», включившими его статью почти без всяких изменений в первый том в качестве одной из глав (гл. XVIII).

Крупные недостатки в освещении революции 1905—1907 гг. в Средней Азии имеются во втором томе «Истории народов Узбекистана». Авторы этой книги понижают роль большевиков в руководстве революционными выступлениями рабочих, солдат и дехканства в 1905 г. и в то

¹⁶ «Революция 1905—1907 гг. в национальных окраинах России», стр. 629. Госполитиздат. 1949.

же время затушёвывают предательскую роль меньшевиков и эсеров, изображая их руководителями трудящихся масс. В разделе, посвящённом революции 1905 г. в Узбекистане, слово «большевик» даже не упоминается, зато всячески рекламируется деятельность эсеров и «эсеровского комитета»¹⁷. Составители «Истории народов Узбекистана» путано освещают вопрос о причинах аграрного движения в Узбекистане в 1905 году¹⁸. Главной причиной аграрного движения они считают изъятие у коренного населения земли для русских переселенцев. Классовая же борьба внутри дехканства и борьба дехкан против местных феодалов ими не раскрываются.

Революционные события 1905—1907 гг. в Средней Азии, равно как и на других окраинах бывшей царской России, не были простым отголоском событий, происходивших в центре. В то же время они не были изолированы от революционной борьбы русских рабочих и крестьян. Революционное движение угнетённых народов Средней Азии в 1905—1907 гг. было составной частью общероссийской революции, охватившей как центральные районы царской России, так и её окраины. «Среди угнетённых народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют»¹⁹, — говорил В. И. Ленин в докладе о революции 1905 года.

Особенно большой размах революционное движение на окраинах России приобрело в период Октябрьской политической забастовки. «Всероссийская политическая стачка, — писал В. И. Ленин, — охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом подъёме самого угнетённого и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»²⁰.

Эти указания В. И. Ленина дают ключ к пониманию единства революционного движения во всей России в период революции 1905—1907 годов. На окраинах революция имела свои специфические особенности, вытекавшие из особенностей социально-экономической и политической обстановки в данном крае, особых условий классовой борьбы, национальных моментов и т. д. Долг советских историков — глубоко изучить эти своеобразные черты революционных событий в Средней Азии в период первой буржуазно-демократической революции, показать на конкретном историческом материале, как угнетённые царизмом народы поднимались под руководством русского рабочего класса, партии Ленина — Сталина на героическую борьбу за своё социальное и национальное освобождение.

Обширный круг задач стоит перед советскими историками в связи с изучением истории Великой Октябрьской социалистической революции и тех коренных преобразований, которые она вызвала в жизни среднеазиатских народов.

К сожалению, история Великой Октябрьской социалистической революции, равно как и история послеоктябрьского периода в жизни народов Средней Азии, ещё крайне слабо изучена нашими историками. Отдельные статьи и сборники документов, вышедшие за последние годы, содержат лишь некоторый фактический материал, но не дают глубокого анализа и достаточно полного освещения этих событий. Например, в

¹⁷ «История народов Узбекистана». Т. 2, стр. 374, 378.

¹⁸ См. там же, стр. 382—384.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 241. 4-е изд.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 362.

сборник документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане» (1947) включены материалы только местного значения. Революционные события в Туркестане показаны в отрыве от общероссийских революционных событий. Сборник состоит из случайных документов, главным образом из материалов буржуазно-либеральной прессы; материалы из большевистских газет не приводятся. Аналогичные недостатки имеются в сборнике документов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане» (1947).

В некоторых работах по истории советского периода в Средней Азии, по сути дела, ставится под сомнение социалистический характер политики советской власти в деревне в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

А. П. Кучкин в статье «Советизация казахского аула (1926—1929 гг.)»²¹ утверждал, что до 1927—1928 гг. Советы в большинстве казахских аулов не были настоящими органами диктатуры пролетариата, что идея Советов была воспринята только по форме, а не по существу. Автор считал, что задача советизации аула заключалась в создании Советов заново, а не в их укреплении, очищении от байских элементов и приближении к казахским трудящимся массам. Взгляды А. П. Кучкина подверглись критике в Институте истории Академии наук СССР, а также в научных учреждениях Казахстана. В своей диссертационной работе «Советизация казахского аула (1926—1929 гг.)» А. П. Кучкин пересмотрел эти взгляды.

Грубые извращения в освещении характера Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии содержатся в статье А. Я. Гуревича «Земельно-водная реформа в Узбекской ССР (1925—1929)». Автор утверждает, что в Узбекистане вплоть до проведения земельно-водной реформы сохранялся феодально-родовой уклад и колониальный режим. «Сохранение в Узбекистане,— пишет А. Я. Гуревич,— феодально-родового уклада и колониальный режим задерживали массовое образование как сельскохозяйственных рабочих, так и промышленного пролетариата... и мешали высвобождению масс населения кишлаков из-под влияния эксплуататоров — помещиков-полуфеодалов, кулаков, ростовщиков и мулл»²³. Автор статьи путано и противоречиво изображает мероприятия большевистской партии по упрочению советской власти в Узбекистане. Он, например, противопоставляет организацию кишлаков и оживление Советов укреплению национальной государственности и т. д.

В брошюре Г. Ризаева «Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане» (Ташкент. 1947) не показана руководящая роль большевистской партии при проведении земельно-водной реформы и участие в ней народных масс. Ошибки, содержащиеся в этой брошюре, были осуждены историками Узбекистана.

Серьезными недостатками страдает статья М. П. Кима «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане». Значительную часть статьи автор посвятил обоснованию тезиса, что аграрная политика советской власти в Казахстане в период 1920—1921 гг. своим остриём была якобы «направлена почти исключительно против колонизаторства при полном почти игнорировании второй задачи — ликвидации патриархально-феодального землевладения байско-манапского населения»²⁴.

Нет необходимости доказывать, что это утверждение глубоко ошибочно. Советская власть последовательно проводила в жизнь указания В. И. Ленина и И. В. Сталина по аграрному вопросу, опираясь на бед-

²¹ См. «Вопросы истории» № 10 за 1946 год.

²³ «Вопросы истории» № 11 за 1948 г., стр. 55.

²⁴ «Вопросы истории» № 10 за 1947 г., стр. 105.

нящие слои деревни и ведя ожесточённую борьбу против феодально-байских элементов. Без этого немыслима была бы победа над объединёнными силами внутренней и внешней реакции и укрепление советской власти в Средней Азии.

Корень ошибок некоторых историков в освещении политики советской власти в Средней Азии в первые годы после революции заключается в том, что они нередко отождествляют политику советской власти, которая всегда отвечала и отвечает коренным интересам трудящихся масс, с вражескими действиями пробравшихся в органы советской власти буржуазных националистов и других врагов народа, которые вредительски извращали политику советской власти в земельно-водном, национальном и других вопросах.

Большевистская партия и её вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин уделяли исключительное внимание вопросам советского строительства в Средней Азии. В. И. Ленин и И. В. Сталин непосредственно направляли деятельность местных партийных и советских органов по укреплению советской власти, оказывали огромную помощь трудящимся Средней Азии. В 1919 г. В. И. Ленин писал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое»²⁵.

Следует указать, что советские историки ещё мало сделали для освещения роли большевистской партии, Ленина и Сталина в деле упрочения советской власти в Средней Азии, в установлении братского содружества великого русского народа и народов Средней Азии. Недостаточно освещается огромная бескорыстная помощь великого русского народа, которую он оказывал и оказывает среднеазиатским советским республикам.

Исключительно важное значение имеет изучение историками опыта социалистического строительства в среднеазиатских республиках. Обобщение этого опыта, теоретическое осмысление колоссальных сдвигов, совершившихся в Средней Азии во всех областях народного хозяйства и культуры, всестороннее марксистское освещение борьбы народов Средней Азии под руководством большевистской партии за ликвидацию своей вековой отсталости, за построение социалистического общества раскрывает величайшую правду и силу ленинско-сталинской национальной политики.

В. И. Ленин указывал, что с помощью передового русского пролетариата отсталые окраины бывшей царской России могут перейти к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Здесь имелись колоссальные трудности, обусловленные вековой отсталостью населения, пережитками патриархально-феодальных отношений, засилием баев, феодалов, мулл и прочих врагов социализма. Несмотря на эти трудности, писал В. И. Ленин, вполне возможно втянуть ранее угнетённые народы окраин царской России в русло социализма. Крестьяне, составляющие основную массу населения в этих окраинах, «отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле... Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полу-феодальным отношениям»²⁶.

Развивая это ленинское положение, И. В. Сталин наметил конкретную программу социалистического строительства в среднеазиатских и других национальных республиках. В качестве первоочередных мероприятий по сплочению крестьян вокруг рабочего класса, он выдвинул задачу

²⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 117.

²⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 218.

создания промышленных очагов, реконструкции системы орошения, кооперирования крестьянских масс, развития национальной советской государственности, близкой и понятной местному населению, развития культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Большое внимание уделял И. В. Сталин созданию и воспитанию национальных кадров в духе верности идеям марксизма-ленинизма и непримиримости к национализму и другим проявлениям чуждой советским людям идеологии. «Национализм,— указывал И. В. Сталин,— основное идейное препятствие по пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах и в республиках»²⁷.

Благодаря мудрому руководству большевистской партии, И. В. Сталина и помощи великого русского народа народы Средней Азии совершили исторический переход от патриархально-феодального и феодального строя к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В республиках Средней Азии за годы сталинских пятилеток созданы крупные очаги социалистической индустрии, достигнуты огромные успехи в развитии коллективизированного сельского хозяйства, оснащённого самой передовой техникой; невиданного расцвета достигла культура народов Средней Азии. Народы советского Востока вместе со всеми народами СССР ныне успешно строят коммунистическое общество, преобразуют природу своих республик, превращая пустыни в плодородные земли. Они воодушевляют своими достижениями все народы зарубежного Востока в их борьбе за мир, демократию и социализм.

Сбылись пророческие слова И. В. Сталина, сказанные им в 1919 г.: «Туркестан по своему географическому положению является мостом, соединяющим социалистическую Россию с угнетёнными странами Востока... ввиду этого укрепление Советской власти в Туркестане может возыметь величайшее революционизирующее значение для всего Востока»²⁸.

Какое же отражение получили эти замечательные успехи народов Средней Азии в трудах наших историков? Приходится признать, что историки сделали в данной области очень мало.

До сих пор нет серьёзных исследований, посвящённых вопросу некапиталистического пути развития народов Средней Азии от патриархально-феодальных и феодальных отношений к социализму. Недостаточно изучается проблема формирования социалистических наций. Историки Средней Азии мало внимания уделяют и такой важной теме, как ленинско-сталинская дружба народов. Слабо разрабатывается история большевистских организаций Средней Азии, на что должно быть обращено особое внимание историков.

Во всех республиках Средней Азии уже длительное время ведётся работа по написанию истории своих республик в советскую эпоху. Однако лишь Институт истории Академии наук Казахской ССР закончил эту работу. Во втором томе «Истории Казахской ССР» показаны замечательные достижения казахского народа во всех областях хозяйственного, государственного и национально-культурного строительства, достигнутые им благодаря руководству большевистской партии, неустанной заботе В. И. Ленина и И. В. Сталина о нуждах Казахстана и огромной помощи великого русского народа.

Книга не лишена, однако, и некоторых недостатков. Самым серьёзным из них является слабое освещение особенностей социалистического строительства в Казахстане, особенностей социально-экономической и политической обстановки на различных этапах борьбы за построение социалистического общества. Крайне слабо освещена борьба с буржуазными националистами и правотроцкистской агентурой, пытавшимися воспрепятствовать победе социализма в Казахстане и оторвать его от единой

²⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 308.

²⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 230.

великой семьи советских народов. Недостаточно разработана в книге специфическая для Казахстана проблема перехода скотоводческого населения к оседлости. Авторы книги обошли вопрос о том, как аграрные мероприятия советской власти привели к успешному решению этой проблемы. В результате не получил должного освещения вопрос о некапиталистическом пути развития казахского народа от патриархально-феодалного строя к социализму. Мало внимания уделено вопросу о сложении казахской социалистической нации. Авторы «Истории Казахской ССР» в ряде случаев неправильно подошли к освещению братского содружества рабочего класса Советской России с казахскими трудящимися массами, упустив из виду главенствующую роль русского пролетариата в борьбе за победу социализма в Казахстане.

Несмотря на указанные недостатки «Истории Казахской ССР», следует отметить заслугу коллектива научных сотрудников Института истории Академии наук Казахской ССР и ряда московских историков, создавших первую обобщающую работу по истории Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социализма в одной из республик Средней Азии.

Крупным недостатком в работе историков является местнический подход к исследованию истории народов Средней Азии. Историки замыкаются в узких национальных рамках; изучение истории отдельных народов Средней Азии нередко ведётся в отрыве от изучения истории других народов СССР, что нередко приводит к односторонним выводам и неправильному освещению исторических событий.

Работа по написанию коллективных трудов по истории в ряде республик Средней Азии до сих пор ведётся кустарно, без творческого обсуждения актуальных научных проблем, без привлечения широкого круга научных работников и местной интеллигенции, без смелого развёртывания большевистской критики и самокритики.

Всё это мешает научной работе, уводит историков от решения больших принципиальных вопросов, мешает сделать правильные выводы из указаний ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы.

«Общепризнано,— указал И. В. Сталин,— что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»²⁹. А этого как раз и недостаёт ещё в работе историков, изучающих прошлое народов Средней Азии.

Организация широкого обсуждения основных вопросов истории народов Средней Азии является очередной задачей советских историков. Успешное решение этой задачи поднимет изучение истории Средней Азии на новую, более высокую ступень, поможет исправить имеющиеся ошибки и недостатки, явится условием для создания подлинной марксистско-ленинской истории народов Средней Азии.

²⁹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.